

РЕДКИЙ ПЕРВОУРА-
ЛЕЦ, пусть даже молодого поколения, не слышал о существовавших в 40—50-е годы на территории города лагерей для немецких преступников. О них напоминает сама городская архитектура: немцы (а также пленные чехословаки, австрийцы, румыны) строили на Магнитке, на Динасе, они возвели целый микрорайон в городе, работали на сооружении крупных цехов НТЗ.

История этих лагерей еще ждет своего исследователя. Пока это белое пятно в книге города, равно как и существование в 40-х годах гулаговского лагеря в поселке Талица. Они, эти лагеря, жили своей, непохожей на окружающую, жизнью, но и там, за «сколочкой», кипели страсти, были свои маленькие радости и большие трагедии. Об одной из таких драм наш рассказ.

Старшим зоны лагерного пункта, разбитого на Первомайке, был назначен бывший лейтенант СС Вилли Касс. По существу, в его руках находились судьбы целой дивизии вчерашних солдат, офицеров и даже генералов вермахта. Трудно судить, по каким критериям отбирала оперчасти лагеря кандидата на эту должность, но Касс поддерживал среди привыкших к армейской дисциплине осужденных жесткий порядок. Жил он отдельно, имел даже личного денщика. Очевидно, волевой и видный немец мог правиться не только лагерной администрацией, потому что по лагерю упорно ходили слухи: у Вилли роман с фельдшером медсанчасти лагеря Марией Рапопорт. Это была уже немолодая женщина, имевшая троих детей, по отзывам сослуживцев, особой красотой не выделявшаяся. Но... когда речь заходит о таких тонких сферах, как чувство, рассудок должен молчать. Была семья, был любящий муж, служивший, летати, в том же лагере, были дети... И такой скандал.

Настал новый 1955 год. Все последние недели у за-

ключенных было приподнятое настроение, все знали: амнистия, скоро домой. Уже формировались первые эшелоны из теплушек, в которых немцам предстояло отбыть на родину. Прихорашивались, закупали на накопленные за долгие годы вынужденной работы деньги подарки родным. Со дня на день предстояла разлука Вилли с Марией.

Поздним вечером 17 ян-

он уехал в Германию вместе со всеми немцами. Разжалованный и потрясенный муж тоже исчез из города. И памятью о том страшном событии осталась лишь заброшенная могила Марии, похороненной быстро и без шума, чтобы не подогревать страсти. Даже близких подруг не пустили на похороны «предательницы».

Только вот никто так толком и не может объяснить,

Мария

взря нервничаяшему в ожидании жены капитану Рапопорту постукали в окно: скорее в зону, Касс ранен! Это было ЧП, и следователь оперчасти Рапопорт уже через несколько минут выбежал из дома. Касс в зоне он уже не стал, ему оказывали помощь в медсанчасти. Зато Мария была мертва. Она лежала на красиво убранной кровати в своем лучшем платье в окружении уже погасших свеч. Вены на руке были вскрыты, но смерть наступила не из-за кровопотери. Смертельным оказался удар ножом в грудь. После того как добили подругу, пытался покончить с собой и Касс, но лишь понарапал грудь и порезал руку. Тут же были найдены письма, которые Мария адресовала мужу, детям. Спокойно, без надрыва, она объясняла то, что, по-видимому, давно уже обдумала: «Если нам невозможно вместе быть здесь, то хоть на том свете мы соединимся, я смогу из жизни законной женой Вилли Касса». На руке убитой сверкало кольцо.

Что было потом, объяснять, наверное, излишне: следствие, бесконечные комиссии, проверявшие лагпункт, снятие звезд и потом суд. Кассу дали еще десять лет и перевели в Дегтярск. Впрочем, вскоре

кого или что предала Мария Рапопорт, желавшая только одного: соединиться с любимым человеком.

Говорят, культурный и человеческий уровень общества можно узнать по его отношению к... мертвым. И не столько по обрядам погребения, сколько по внешнему виду кладбищ, их ухоженности или запущенности. Если народ помнит свою историю, он помнит и о могилах тех, кто жил на этой земле до него.

Думаю, не открою особого секрета, если скажу, что письма, рассказывающие о погугании могил на городском кладбище, в редакционной почте не редкость. Мы их получаем, регистрируем и... сдаем в архив. А что делать? Миллиция за такие дела давно уже отчаялась братья, да и что «пришьешь» великовозрастному дитяти, от избытка силы роняющему надгробья? Не тела же из земли вырывает...

Вчерашние фельдфебели, оберлейтенанты, генералы — всего около сорока человек — ложились в первоуральскую землю ровными рядами. Хоронили людски: в чистом белье, в гробу, даже под отпевания собственного импровизированного пастора. А вот дальше... Немцы, кто дождался амнистии, уехали домой, и кладбище оказалось предоставленным самому себе.

Тогда впервые и стали ходить слухи о гробокопателях, рыскавших по кладбищу в поисках золота, хотя достоверно известно, что золото заключенным иметь было запрещено. Следы этих «археологов» видны и сейчас: вывороченные столбики и яма в области головы мертвеца (искали череп), брошенный гут же за ненадобностью лом и снова кости: берцовые, лопатки. Это все, что осталось от заключенных лагпункта № 3. В конце концов они лишились даже могил. Есть примеры и более свежих раскопок, еще не успевших пораста травой.

С коренным таличанином А. П. Карповым мы больше часа блуждали по окрестностям поселка и хотя чувствовали, что кладбище где-то рядом, нашли не сразу. Анатолий Петрович вздыхал: все изменилось вокруг, изменения были видны невооруженным глазом: кучи мусора из ближайших коллективных садов, разбитые транспортом дороги, огороды, наступающие с двух сторон на немецкие могилы.

Пройдет еще лет пятьдесят и от немецкого кладбища останется лишь предание, оно исчезнет. Но мне кажется, мы должны вспомнить об этих могилах и привести их в цивилизованный вид не только потому, что в Германии к могилам советских граждан отношение столь же культурное, что и к могилам соотечественников, но просто потому, что в нашей земле лежат несчастные люди, судьбой заброшенные на чужбину.

И еще одно. Очень не хочется, чтобы кто-то из читающих эти строки возмущенно произнес: «Так ведь это фашисты, их могилы вообще стереть с лица земли нужно!» Да, стереть с лица земли можно все, но это не оправдает нашей ненормальности по отношению к мертвым, которым уже безразлична любая социальная или политическая традиция.

Г. ГРИГОРЬЕВ.